

Борис Верхоустинский

В школе

Борис Верхоустинский
В школе

«Public Domain»

1912

Верхоусти́нский Б. А.

В школе / Б. А. Верхоусти́нский — «Public Domain», 1912

«Актное зало светло и просторно. Паркетный пол блестит под лучами осеннего солнца; сияют золочения рамы с портретами царственных особ и бронзовые люстры. Девять часов утра. Серая толпа гимназистов заняла ползала и гудит, как рой проснувшихся пчел, вылетевших на поиски пахучего меда, но классные надзиратели, величественно стоящие у широких дверей, с суровым видом записывают в памятные книжки фамилии не в меру разжужжавшихся, чтобы потом сделать выговор или пожаловаться...»

© Верхоусти́нский Б. А., 1912

© Public Domain, 1912

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Борис Верхоустинский

В школе

1

Актное зало светло и просторно. Паркетный пол блестит под лучами осеннего солнца; сияют золочения рамы с портретами царственных особ и бронзовые люстры.

Девять часов утра. Серая толпа гимназистов заняла ползала и гудит, как рой проснувшихся пчел, вылетевших на поиски пахучего меда, но классные надзиратели, величественно стоящие у широких дверей, с суровым видом записывают в памятные книжки фамилии не в меру разжужжавшихся, чтобы потом сделать выговор или пожаловаться.

Входит священник, в синем подряснике, с серебряным крестом на груди. Он еще молод, и лицо его почти прекрасно. Львиной гривой ниспадают на плечи каштановые кудри, поступь пряма и непреклонна, брови густые, а курчавая борода словно у апостола. Да и матово-белое лицо, с нежным румянцем на щеках и с прямым носом, тоже как у апостола.

Рой жужжащих пчел замолкает.

– Читайте молитву! – приказывает отец Иоанн.

Из толпы гимназистов выходит Виктор Барский, стриженный наголо, как маленький каторжник; на колене заплата, голубые глаза растерянно смотрят на висящую под хорами иконку.

Притихшая толпа ждет первого слова, чтобы перекрестить лбы.

«Преблагий Господи, ниспошли нам благодать Духа Твоего святого, дарствующаго и укрепляющаго душевныя наши силы, дабы, внимая преподаваемому нам учению, возросли мы Тебе, нашему Создателю, во славу, родителям же нашим на утешение, церкви и отечеству на пользу».

Отец Иоанн низко кланяется иконке и, круто повернувшись на каблуках, направляется к двери. Гимназисты расходятся по классам.

Актное зало пустеет, лишь портреты царственных особ зорко переглядываются друг с другом и словно жмурятся под ласкающими лучами умирающего солнца.

В классе Виктор садится на свою парту, раскрывает книгу и спешно проглядывает урок. Сейчас греческий язык – перевод отрывка из Анабазиса Ксенофонта... Ой-ой, если грек спросит – капут, в журнале будет жирная двойка.

Все в тревожном волнении, – шелестят листками книг и тетрадей, у некоторых лица бледны, а глаза печальны, как перед тяжким испытанием.

На кафедре, у стола, стоит Аарон Готлиб, смуглый, длинноносый, с черными волосами. Он строит дурацкие рожи Виктору, шевелит губами, подражая зубренью, мотает головой, желая показать, что – нет, не выучено, и поднимает кверху два пальца, в знак предстоящей участи. Аарон Готлиб – сосед Виктора по парте и его большой друг.

Но Виктору не до смеха. Он зубрит, заткнув пальцами уши.

Вдруг, точно по команде, все поднимаются на своих местах – является «грек». Брюхат, круглолиц и краснонос. По происхождению чех.

Грек притворяет за собой дверь, всходит, не кланяясь, на кафедру, садится, раскрывает журнал и макает перо в чернильницу. Гимназисты опускаются.

– Кого нет?

Аарон Готлиб называет фамилии семи отсутствующих и уходит к своему приятелю.

Грек, напялив на нос золотое пенсне, долго просматривает алфавитный список учеников.

– Господи! Господи! Сделай так, чтобы меня не спросил! – крестит под партою низ своего живота Виктор.

А грек наслаждается томлением ожидающих: то взглянет на задние парты, то опять уткнется носом в журнал.

И мычит:

– Э-э-э...

Когда его взгляд обращается к Виктору, тот строит тонкую, слегка легкомысленную улыбку, и смело смотрит в глаза мучителю: дескать, вызовите меня, пожалуйста, вызовите, я все отлично выучил. Но грек – хитрая bestия! – не доверяет. Тогда Виктор, не спуская глаз и улыбаясь еще легкомысленнее, нащупывает мизинцем правой руки сучок на скамейке парты и про себя заклинает: «Сухо-дерево, завтра пятница! Сухо-дерево, завтра – пятница!» Иногда это помогает, но не всегда.

– Виктор Барский!

Класс облегченно вздыхает.

Виктор берет дрожащею рукою тетрадь с вокабулами и книжку с текстом.

– Не труть! – шепчет вдогонку Аарон, – подсказут! – Но Виктор бредет, опустив голову, к кафедре и не слышит его шепота. Сердце страдальчески сжимается.

Вблизи безобразие грека особенно отчетливо. Рыжая борода почему-то посередине бела, а глаза заплыли жиром, как у свиньи.

– Ну-с, расскажтэ нам спервы о походэ дэсяти тысяч и о состава грэческого войска.

И, вот, Виктор рассказывает о десяти тысячах воинов, о том, как они ушли от персов, как была им мила далекая отчизна, как они умирали на знойных песках Малой Азии, и как народы удивлялись их мужеству.

– Дэ-с! дэ-с! – поддакивает учитель, не смотря на Виктора. – Это был вэлыкый народ. А как: «Я воспитываю»?

– Пайдеуо.

– А как: «Я буду воспитывать»?

Виктор молчаливо теребит никелированную пряжку ремня.

Дверь тихо открывается, входит Костя Долин, сутулый и бледный. За ним Фома Костромской, уже с темным пушком на верхней губе. Фома – красота и гордость своего класса, Фома – силач, побивший семиклассника, Фома – богач, сын торговца железом, и всем известно, что он пьет пиво, а по воскресеньям ходит на свидания с гимназистками. Ах, этот здоровенный Фома!

Кланяются. У обоих книги не в ранцах, а в ремешках.

Грек молча вычёркивает из журнала «abs» ы, поставленные против фамилий запоздавших, протирает пенсне носовым платком и ехидно говорит:

– Тэпэрь учэныкы всэ студэнты. Ходят с опозданиями, кныжки в рэмэшкэ... Да, да, всэ стали студэнтамы.

И вдруг багровеет от раздражения, заплывшие глаза горят, как у рассерженной мыши:

– Ф-Фома Костромской! Чтоб нэ было!.. Д-дубина!.. Остаться после уроков на два часа. Трэтый раз опаздываэш.

Фома поднимается – парта его в углу, у окна – и спокойно отвечает:

– Вы не смеете меня ругать дубиной, я на вас буду жаловаться директору. Опоздал я потому, что из носу пошла кровь. Вот!

Фома вытаскивает из кармана окровавленный носовой платок и трясет им в воздухе.

Класс замирает. Неслышанная дерзость! Только от Фомы и можно ожидать подобного. Некоторые начинают хихикать. Виктор видит, как глаза грека заполняются гневом. Если бы грек мог, он, вероятно, запустил бы чернильницей в голову непокорного Фомы... Если бы мог, он растянул бы Фому на полу и собственноручно бы отодрал.

Но Виктор не обнаруживает своего восхищения Фомой. Недаром его прозвали хитроумным Одиссеем: участливо и прискорбно смотрит он в глаза учителю, тот, в пылу гнева, попадает на удочку, ставит ему четыре с минусом и отпускает. Теперь будет расправа с Фомой. Ну-ка, любезный друг, пожалуйста!

– Фома Костромской!

Фома поднимается, Фома идет, Фома подает греку тетрадь с вокабулами и ждет начала единоборства.

– Я есмь.

Фома спрягает:

– Эйми, эй, эйэи, эсмен, эста, эсан.

– Я есмь человек.

– Хо антропос эйми.

– Я есмь дурной человек.

Фома молчит.

– Я есмь дурной человек! – повелительно повторяет грек.

Фома чуть заметно кивает головой, лица школьников расплываются в сдерживаемые улыбки.

Грек багровеет до последней степени, выводя в журнале толстую единицу.

– Н-на-мэсто!

За Фомой к столу плетется угловатый Костя Долин. Грек заставляет его читать Анабазис, чутко прислушиваясь к ударениям. Потом Костя переводит и делает грамматический разбор. Все время он страшно волнуется, на узеньком лбу выступает пот. Костя гладит ладонью коротко-остриженные волосы на голове, потирает переносицу, засовывает руки за пояс и в карманы мешкообразных брюк, переступает с ноги на ногу. Грек спрашивает его долго и подробно, но Костя всегда знает урок, – приходится отпустить с миром и поставить тройку.

После этого грек, захлопнув журнал, объясняет особенности следующего отрывка. Говорит он вяло, словно жует недоваренную кашу: напалзает нестерпимая скука.

Виктор смотрит на черную доску, где красуются нестертые цифры, начертанные мелом еще вчера; смотрит за широкие окна, где над рядами крыш возвышается пожарная каланча, и шепчет, едва раскрывая губы, чтобы не заметил учитель:

– Надул я его, чёрта!

Аарон Готлиб, прикрывая рот ладонью, отвечает:

– Молодчина!

В коридоре гремит звонок, грек берет журнал под мышку и уходит.

– У-р-р-ра! – кричит Аарон, ударяет Виктора книгой по голове и, прыгая с парты на парту, убегает к Фоме, закуривающему под партой папироску.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.